

оритет в формировании этих общественных институтов и определении путеводных ориентиров социального реформирования в России.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Societe a responsabilite limitee, Paris. Tous droits reserves. Imp. de Navarre. 11, rue des Cordillieres. P., 1955; М., 1990. С. 18.

² Эйнгорн Н. К. Этика ненасилия и толерантность // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. Екатеринбург, 1998. С. 145.

³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 194.

⁴ Ахиезер А. С. Россия между открытым и закрытым обществом // Изв. Урал. гос. ун-та. 1997. № 6. С. 68.

⁵ Сорос Дж. Я верю в свою собственную подверженность ошибкам (интервью Байрону Виену) // Изв. Урал. гос. ун-та. 1997. № 6. С. 51.

⁶ Ахиезер А. С. Россия между открытым и закрытым обществом // Изв. Урал. гос. ун-та. 1997. № 6. С. 66.

КОНЦЕПТ КАК КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Е. П. Панасова

Уральский госуниверситет

Во второй половине XX века ученые и философы пришли к пониманию языка не просто как «системы знаков, выражающих понятия» (Ф. де Соссюр) или «чисто человеческого, не инстинктивного способа передачи мыслей, эмоций и желаний посредством специально производимых символов» (Э. Сепир), но «как орудия мыслей и чувств народа» (В. Гумбольдт). В наши дни видение языка, предложенное В. Гумбольдтом, лежит в основе изучения слова как выразителя концепта. Любое слово имеет прагматический компонент значения, который связан с национальными особенностями формирования и восприятия значения слова. Изучение концептов позволяет восстановить наивную картину мира, проникнуть в глубины человеческого сознания, лучше понять самих себя. «Особенности познавательного опыта конкретного этноса, черты его материальной и духовной культуры эксплицитно отражаются на лексическом уровне языка. Вместе с тем лексические единицы отражают не только современную культуру общества, но, накапливая и сохраняя достижения познавательной деятельности человека, фиксируют и предшествующее состояние культуры» (О. Михайлова).

© Е. П. Панасова, 2001

Вслед за В. В. Колесовым мы полагаем концепт данной культуры основной единицей ментальности, которая «в границах словесного знака и языка в целом предстает (как явление) в своих содержательных формах – как образ, как понятие и как символ» (В. Колесов). Концепт предстает как инвариант всех возможных языковых значений (исторически и системно). Нам думается, что концепт как идеальная сущность, единица мыслительной деятельности является не только и не столько языковой единицей, сколько единицей культурно-ментально-языковой. Безусловно, язык и культура, культура и ментальность, ментальность и язык тесно взаимодействуют. По нашему мнению, концепт принадлежит этим трем сферам, но не входит целиком ни в одну из них, т. к. «концептосфера языка – это, в сущности, концептосферы русской культуры» (Д. Лихачев).

«Рассказывая о чем-нибудь, мы с помощью слов описываем мир, точнее, пытаемся передать, что мы думаем об этом мире. Но мир у всех нас один и тот же, всем людям на земле светит одно солнце и думают все люди тоже похожим образом. <...> Язык отражает общие представления всех говорящих на нем о том, как устроен мир. <...> Получается, что язык – своего рода зеркало, которое стоит между нами и миром» (В. Плуи́гян). «Носители разных языков по-разному членят мир на части и фрагменты, которые получают самостоятельные названия. Такое членение зависит от того, насколько важны эти фрагменты для данного народа, какую роль они играют в хозяйственной, общественной, да и просто в повседневной жизни (Л. Крысин).

«Человек как познающий и самопознающий субъект противостоит миру не как пассивный объект, а как деятельный субъект, пытающийся создать в своем сознании образ мира вещей как свой собственный мир» (Ж. Загоруйко). Такой субъект, встретившись с новым, непонятным предметом или явлением, должен встроить его в свою картину мира. Мы сейчас делаем это точно так же, как наши далекие предки много веков назад: мы подчиняем себе предмет, давая ему имя, называя его. Но мы утратили способность создавать новые имена «из ниоткуда», и теперь у нас есть только два пути: прибегать к помощи ассоциаций или брать готовые слова из других языков. Но иноязычные слова не могут существовать в языке, не пройдя через призму заложенной в нем картины мира. Прошедшие ее остаются, другие – исчезают. Думается, что только слова, созданные «из ниоткуда», и являются в полной мере концептами.

Владеющие несколькими языками знают, что при переходе на другой язык даже процесс мышления протекает как-то иначе. Тем, кто однажды посмотрел на мир сквозь иное стекло – другой язык, – трудно бывает оставаться в границах только родного языка: они теперь знают больше, чем позволяет носителю данного стекла-языка, и просто не хватает слов, чтобы выразить все свои мысли.

Получается, что люди, знающие несколько языков, богаче и полнее видят мир. Именно они лучше представляют, что такое культура: ведь *знать* культуру недостаточно, мало уметь разложить по полочкам достижения искусства и науки, нужно еще *понимать* культуру, *чувствовать* ее – ведь мы ее творцы и создания, а не патологоанатомы. И здесь нам на помощь приходит язык, который не существует вне культуры, который является ее частью.

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Т. О. Санникова

Уральский государственный технический университет

Говорят, что образ эпохи создает духовная элита: она пишет книги, картины, а народ по большей части – «безмолвствует». Образ провинциальной интеллигенции XIX века был создан литературой того времени и превратился в тип, в нарицательных героев и в веке XX.

Яркие типажи провинциальных интеллигентов живут во многих произведениях А. П. Чехова. Но мрачные характеристики, данные учителям, врачам, инженерам, есть не только в литературе художественной. Подобные зарисовки встречаются в записках, мемуарах того времени и в научных трудах. Затягиванию провинциального интеллигента обывательской, «болотной», средой, способствовали многие факторы. Шаткое материальное и правовое положение интеллигенции приводило к приниженности, боязливости («Как бы чего не вышло», – постоянно повторяет чеховский Беликов), вечному трепетанию, заискиванию перед вышестоящими и в конечном итоге – к господству «посредственности и фальшивой благонадежности»¹. И смысл известного чеховского рассказа заключается не только в том, что Бе-